

УДК 17:94(47)
ББК 87.3(2) 53-689

НАЦИОНАЛЬНЫЙ НИГИЛИЗМ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ В «АПОКАЛИПСИСЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В.В. РОЗАНОВА

А.А. МЕДВЕДЕВ

Тюменский государственный университет,
ул. Володарского, д. 6, г. Тюмень, 625003, Российская Федерация
E-mail: amedv1@yandex.ru

Рассматривается рефлексия на национальный нигилизм и его преодоление, выраженная в «Апокалипсисе нашего времени» В.В. Розанова (1917–1918 гг.; полный текст был опубликован только в 2000 г.) и в его книге «Черный огонь» (впервые была издана в парижском издательстве YMCA-Press лишь в 1991 г.). В качестве основополагающего тезиса формулируется положение о том, что в «Апокалипсисе нашего времени» национальный нигилизм предстает одной из глубинных причин социальной катастрофы 1917 г. Розановская концепция нигилизма раскрывается через интертекстуальный диалог писателя с Н.А. Островским («Лес», «В чужом пиру похмелье», «Свои люди – сочтемся!», «Бедность не порок»), Н.А. Некрасовым («Песня Еремушке») и Н.В. Гоголем («Мертвые души», «Записки сумасшедшего»). В центре внимания – розановская этика и онтология как два пути преодоления разрушительной нигилистической тенденции в русской истории. Обозначена позиция Розанова, согласно которой преодоление нигилистической тенденции возможно при условии, во-первых, возвращения к вечным этическим основаниям (правда, совесть, любовь, материнская забота), во-вторых, онтологического обновления человечества на основе возрождения онтологии Древнего Египта, Древней Греции и Израиля. В «Апокалипсисе нашего времени» выявляются элементы, несущие онтологическую семантику: солярный код, символика дома-гнезда, Эдем (Вифлеем), фаунистические мотивы и образы (корова, кошка, Апис, Аммон, шакал, апокалиптический тетраморф (лев, бык, орел), птицы и др.), флористические мотивы и образы (зерно, травы, цветы, фрукты и т.д.), одористический код, а также их экфрасическое выражение (античные монеты, древнеегипетские изображения). Обращается внимание на то, что, полемизируя с аскетическим нигилизмом (монофизитство, средневековый дуализм), Розанов реабилитирует «плоть», «земную жизнь», стремясь к целостной гармонии «земли» и «неба», «духа» и «плоти».

Ключевые слова: розановская концепция нигилизма, социальная катастрофа 1917 г., интертекстуальный диалог, розановская этика и онтология, онтология Древнего Египта, Древней Греции и Израиля, христианский аскетизм, солярные, фаунистические, флористические мотивы, экфрасис.

NATIONAL NIHILISM AND ITS OVERCOMING IN VASILY ROZANOV'S «THE APOCALYPSE OF OUR TIME»

A.A. MEDVEDEV

Tyumen State University,
6, Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: amedv1@yandex.ru

The article analyses the reflection about national nihilism and its overcoming, expressed in «The Apocalypse of Our Time» by V.V. Rozanov (1917–1918, the full text was published in 2000) and

his book «The Black Fire» (1917, the book was first published in the Paris publishing house YMCA-Press in 1991). It is argued that in «The Apocalypse of Our Time», this national nihilism is represented as one of the deepest causes of the social catastrophe of 1917. Rozanov's concept of nihilism is revealed through the intertextual dialogue of the writer with N.A. Ostrovsky («The Forest», «Hangover at Somebody Else's Feast», «It's a Family Affair – We'll Settle It Ourselves», «Poverty Is No Vice»), N.A. Nekrasov («The Song for Yeryomushka») and N.V. Gogol («Dead Souls», «Diary of a Madman»). The article focuses on Rozanov's ethics and ontology as the two ways of overcoming the destructive nihilistic tendency in the Russian history. Rozanov sees this overcoming, firstly, in the returning to the eternal ethical grounds (truth, conscience, love, motherly concern), and, secondly, in the ontological renewal of mankind by reviving the pagan ontology of Ancient Egypt, Ancient Greece and Israel. In «The Apocalypse of Our Time», the author reveals the elements of ontological semantics: the solar code, the symbol of the house-nest, the Garden of Eden (Bethlehem), faunistic motifs and images, floral motifs and images (grain, grass, flowers, fruit, etc.), odoristic code, and their ephrastic expression (antique coins, Ancient Egyptian images). The author also notes that Rozanov argues with the ascetic nihilism (monophysitism, medieval dualism) and rehabilitates the «Flesh», «Earthly life», striving for the holistic harmony of «Earth» and «Heaven», «Spirit» and «Flesh».

Key words: Rozanov's concept of nihilism, social catastrophe of 1917, intertextual dialogue, Rozanov's ethics and ontology, ontology of Ancient Egypt, Ancient Greece and Israel, Christian asceticism, solar, faunistic, floral motifs, ephrasis.

Нигилизм как причина социального срыва 1917 г.

1917 г. для Розанова – это прежде всего глубокий *ценностный* кризис, выразившийся торжеством нигилизма в Европе и России, о чем писатель заявляет в открывающем «Апокалипсис нашего времени» (1917–1918 гг.) обращении к читателю: «Нет сомнения, что глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском (всем, – и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства; и в эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословия, труд, богатства. Всё потрясено, все потрясены. Все гибнут, всё гибнет. Но все это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания» [1, с. 5].

Розанов указывает на русский нигилизм¹ как причину социальной катастрофы 1917 г. Национальное нигилистическое сознание он выражает через образ актера (лицедея, притворца, бахвала, демонического оборотня): «Мы умираем как фанфароны, как актеры. “Ни креста, ни молитвы”. <...> Всю жизнь крестились, богомолились: вдруг смерть – и мы сбросили крест. “Просто, как православным человеком русский никогда не жила”. Переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно “в баню сходили и окатились новой водой”. <...> Это и есть ни- ги-

¹ О феномене нигилизма и его преодолении в творчестве Достоевского и Розанова см. подробнее: Медведев А.А. «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского как парадигма в религиозно-философской рефлексии В.В. Розанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Гуманитарные науки: Энтелехия. Кострома, 2010. Т. 16. № 21. С. 44–58 [2]; Medvedev A. Le «Sous-sol» de Dostoïevski, paradigme dans la réflexion religieuse et philosophique. De Vassili Rozanov // La Clandestinité. Études sur la pensée russe. Espaces Littéraires. L'Harmattan, 2017. P. 69–82 [3].

лизм, – имя, которым давно окрестил себя русский человек, или, вернее, – имя, в которое он раскрестился. <...> только *делал вид*, что молился. <...> Россия похожа на ложного генерала, над которым какой-то ложный поп поет панихиду. “На самом же деле это был беглый актер из провинциального театра”» [1, с. 8, 10]. Образом провинциального актера Розанов отсылает, вероятнее всего, к комедии А.Н. Островского «Лес» (1871 г.), главный герой которой бродячий артист (трагик) Геннадий Несчастливцев встречается на дороге с другим бродячим артистом – комиком Счастливым. Несчастливцев, не желая, чтобы его тетка, помещица Гурмыжская, узнала, что он провинциальный актер, договаривается со Счастливым выдать себя за барина (военного в отставке), а его – за своего лакея².

Разочаровавшись в почвеннической концепции «общечеловечности» русского человека (Достоевский), Розанов видит проявление нигилизма как в имперском насилии (в отношении армян, евреев), так и в революционно-демократическом насилии (Герцен). Символом этого «вековечного» нигилизма для Розанова становится деспотичный купец-самодур Тит Титыч (Кит Китыч) Брусков из пьесы Островского «В чужом пиру похмелье» (1856 г.): «Это вообще русский нигилизм, очевидно *вековечный* (Кит Китыч, о жене своей: “хочу с кашей ем, хочу со щами хлебаю”»» [1, с. 39]. Розанов приписывает здесь Титу Титычу слова Самсона Силыча Большова из комедии «Свои люди – сочтемся!» (1849 г.), в которой последний, не считаясь с желаниями дочери, хочет выдать ее замуж за своего приказчика Подхалюзина: «Не плясать же мне по ее дудочке на старости лет. За кого велю, за того и пойдет. Мое детище: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю»³. Но и сам Тит Титыч проявляет не меньшее купеческое самодурство, вытекающее из его веры в абсолютную власть денег: «Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денег заплатил на своем веку»⁴. Розанов упоминает также Любима Торцова, промотавшегося брата богатого купца из комедии «Бедность не порок» (1853 г.), видя в нем выражение лени, лицемерия и хамства: «Вот он идет, Любим Торцов, пьяненький. Живет на подавание брата, в доме брата, и – *его же ругает*» [7, с. 363]; «Хозяин крадет у рабочего, рабочий недорабатывает хозяину. Вообще “свои люди сочтемся”: омерзительная литература Островского, с его любимцем Любимом Торцовым, пьяницей и, конечно, сутенером своего брата, идет от “притчи о богатом юноше”: это сгорбленное, скорченное стремление к богатству, это – трусость в богатстве» [7, с. 371].

Помимо героев Островского, выражение русского нигилизма Розанов видел в «хулиганстве» Н.А. Некрасова: «Тебе раньше все предлагали на раз-

² См.: Островский А.Н. Лес // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1974. Т. 3. С. 283 [4].

³ См.: Островский А.Н. Свои люди – сочтемся! // Островский А.Н. Полное собрание сочинений в 12 т. М.: Искусство, 1973. Т. 1. С. 123 [5].

⁴ См.: Островский А.Н. В чужом пиру похмелье // Островский А.Н. Полное собрание сочинений в 12 т. М.: Искусство, 1974. Т. 2. С. 32 [6].

бой и плутовство. “Обмани кормильца”, “возненавидь кормильца”. И советовали тебе плуты и дураки: которые отлично “устраивались около общества”, т. е. тоже *около кормильца своего* (читатели). А тебе, несчастному читателю, глупому российскому читателю, – подсовывали нож. И ты – нишал, они – богатели (плутяга Некрасов и его знаменитая “Песня Еремушке”))» [1, с. 60].

Но наиболее полно национальный нигилизм как причину социального срыва в «Апокалипсисе...» выражает гоголевский код, который становится ключевым в розановском восприятии событий 1917 г. Со славянофильских позиций Розанов всю жизнь полемизировал с Гоголем, но в свете свершившейся социальной катастрофы он честно признал открывшуюся ему гоголевскую правду о России: «Прав этот бес Гоголь»⁵. В этом он признается и в письме к П.Б. Струве в феврале 1918 г.: «Я всю жизнь боролся и ненавидел Гоголя: и в 62 года думаю: “Ты победил, ужасный хохол”. Нет, он увидел русскую душеньку в ее “преисподнем содержании”»⁶. В последнем inferнальном образе Розанов обыгрывает значения слов «преисподняя» (ад) и «исподний» (нижняя одежда).

Благие идеи Февральской революции оказались лишь словами, за которыми не оказалось глубокой веры в светлые идеалы революции: «по заветам русской истории, это были просто Чичиковы, – ну “Чичиковы в помеси с Муравьевыми”. Но уже никак не больше. / Форма. Фраза»⁷. Торгующий мертвыми душами плут Чичиков предстает как национальный архетип лжи и лукавства: «Чичиков – обманщик и плут (как я выразился, “все русские немножко сутенеры, и живут на чужой труд”, а революция показала, что они и *народно* – воры (таковые индивидуально))»⁸. Об этом же Розанов писал в неопубликованной при жизни статье о Февральской революции «Монархия – старость, республика – юность», видя выражение этого национального архетипа не только в Чичикове, но и в русской народной поговорке «Не обманешь – не продашь»: «– Господа, вы вздумали сделать революцию после Чичикова? <...> – Я могу и “не убить” и “не украсть”. Но вот чего я совершенно не могу: не обмануть. <...> – Если мне “не обмануть”, то мне нельзя вообще “быть”. А Русь без Чичикова и не Русь. Вот он, сказал Гоголь: а он начертал вечные типы Руси, вечные стихии Руси, вечные схемы Руси. Как же вы республику-то завели? Ведь она чистота. Это сказал тоже другой зародитель... чего-то иного на Руси» [9, с. 377–379]⁹.

⁵ См.: Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1–10 // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 6 [1].

⁶ См.: Розанов В.В. О себе и жизни своей. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 680 [8].

⁷ См.: Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1–10 // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 38.

⁸ См.: Розанов В.В. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 370–371 [7].

⁹ Знаменательно, что этот гоголевский ключ к событиям Октября 17-го года присутствует и в проникательной, но забытой статье Н.А. Бердяева «Была ли в России революция?» (Народоправство. 1917. 19 ноября. № 15), написанной спустя меньше месяца после октябрьского переворота. В февральских и октябрьских событиях Бердяеву открылась «гоголевская Россия» личин, а не

Если февральские события (отречение Николая II) Розанов воспринимал как подражание французской революции (Луи Блан), то октябрьские (“большевики начали стрелять”) он оценивает как “самобытный” путь: «Тогда, в виду всей этой глупости, я понял, что революция в России вовсе не “подражание” и не “Запад”, а коренное и самостоятельное национальное явление. Ни малейшего подражания. “Мы сделали луну *сами*”» [7, с. 276]. Отсылая к словам Поприщина в образе испанского короля Фердинанда («Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается»¹⁰), Розанов выражает в этой метафоре времени¹¹ абсурдность происходящего, подмену естественного течения времени застывшим, искусственным, мертвым безвременьем.

Таким образом, розановский «Апокалипсис...» являет собой глубокое покаяние за социальную катастрофу и ее причину – национальный нигилизм, которому Розанов противопоставляет «заповедь», «завет» в финальном «Совете юношеству» о возвращении к вечным этическим основаниям – правде и совести: «никогда, никогда, никогда не лги, в совести-то, в *главном* – не лги»¹².

«Восходит золотая Эос»: онтологическое преодоление ценностного кризиса

Библейский «Апокалипсис» пророчествует не только об эсхатологическом крушении мира, но и о его кардинальном обновлении, что выражено в «Откровении Иоанна Богослова» видением «нового неба и новой земли, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали» (От. 21, 1). Именно в этом апокалиптическом духе, видя тотальное крушение всех основ христианской цивилизации, Розанов пророчествует о начале новой, третьей эры – обновлении человечества на основе возрождения онтологии Древнего Египта, Древней Греции и Израиля. Символом этого обновления у него становится солярный образ древнегреческой богини утренней зари Эос, о которой он писал в одном из последних писем к Д.С. и З.Н. Мережковским и Д.В. Filosoфову (декабрь 1918 г.): «Восходит золотая Эос! Верю, верю в тебя, как верю в Иерусалим! Ах, все эти святыни древности они оправдались и в каких безумных оправданиях»

личности, «призрачности» всего бытия, родившегося от лживости: «Тщетны оказались надежды, что революция раскроет в РОССИИ человеческий образ, что личность человеческая подымется во весь свой рост после того, как падет самовластье. <...> по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам. <...> По-прежнему Чичиков ездит по русской земле и торгует мертвыми душами. <...> В стихии революции обнаруживается колоссальное мошенничество, бесчестность как болезнь русской души» [10, с. 780–782]. В этом понимании метафизики русской революции Бердяев ставит Гоголя даже выше Достоевского и Толстого.

¹⁰ См.: Гоголь Н.В. Записки сумасшедшего // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 212 [11].

¹¹ В 1934 г. о ней писал и А. Белый: «вероятно, часы были приняты за луну» (см.: Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. С. 21 [12]).

¹² См.: Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1–10 // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 60.

[13, с. 84]. Смысл этого ключевого образа проясняют слова в розановском «Апокалипсисе...», сказанные от лица Бога-Творца в воображаемом Розановым видении по мотивам его нумизматической коллекции: «Но помни, помни: все это – пшеничное зерно, все – плуг; все – друзья человека, лошадь, корова, баран, коза. Помни и ни на минуту не забывай, что *Felicitas temporum* – в природе, лесе, гранатовом яблоке и розе, как на монетах Родоса. В – заре, утренней заре. И Я поручаю тебе возродить утреннюю зарю для человечества» [7, с. 292]. Здесь Эос – в контексте фаунистических и флористических образов – выражает онтологические ценности древнегреческой цивилизации, к которым Розанов призывает вернуться.

Пронизывающий весь текст «Апокалипсиса...» культ Солнца, солярный код (укажем лишь записи с заглавием «СОЛНЦЕ»¹³, имеет онтологическую семантику, восходящую к апокалиптическому образу рождающей «жены, облеченной в солнце» (От. 12, 1–2). Именно в онтологическом аспекте Розанов воспринимает Солнце через свойство существа Божия – Его вечную бытийность («Аз есмь Сый» (Исх. 3, 14)): «Оно – *вырастает* и вот *энергия-то роста*, “больше” и “больше” самого солнца, массы его, света его, тепла его, и делает его, что оно не худеет, не бледнеет. Это “завтра” солнце и идет на работу, оно вечно “с брюхом”, “брюхато” и потому не тухнет и не может потухнуть. Будь солнце “во времени” и оно потухло бы как всякая “временная вещь”: но оно – не “во времени” и вот его еще тайна оно в ЕСТЬ, и его ЕСТЬ – вечность, непрестанность, “сый”. Именно оно – отец» [7, с. 336]. При этом Солнце выступает у Розанова одновременно и нравственным образом заботы и любви о Земле, который был разрушен позитивистским нигилизмом, обездушившим Космос: «С этого глупого ответа Коперника на нравственный вопрос о планете и солнце началась пошлость планеты и опустошение Небес»¹⁴.

Ключевым онтологическим образом в «Апокалипсисе...» является Дом. Социальная катастрофа 1917 г. видится Розановым прежде всего как утрата Дома. В записи с дантовским названием «*La Divina Comedia*»¹⁵ вся русская история предстает как театральное зрелище, в финале которого общество (оказавшееся пассивным зрителем, а не участником собственной истории) оказывается без Дома: «С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историю железный занавес. / – Представление окончилось. / Публика встала. / – Пора одевать шубы и возвращаться домой. / Оглянулись. / Но ни шуб, ни домов не оказалось»

¹³ См.: Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1–10 // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 22, 26–27, 31, 56; Розанов В.В. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 107, 331–337.

¹⁴ См.: Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1–10 // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 22.

¹⁵ Исходя из фразы в этой записи («Представление окончилось»), название также ассоциируется с фразеологизмом «Финита ля комедия» (ит. *Finita la commedia* – «Комедия окончена»), выражающим ироничное отношение к завершению какого-либо дела, как правило неблагоприятного.

[1, с. 45]. Утопизму разночинско-нигилистической идеологии (Некрасов), разрушающей бытие и быт, Розанов противопоставляет в финале «Апокалипсиса...» Дом как фундаментальную онтологическую категорию: «И помни: жизнь есть *дом*. А дом должен быть тепел, удобен и кругл. Работай над “круглым домом”, и Бог тебя не оставит на небесах. Он не забудет птички, которая вьет / гнездо» [1, с. 60]. Принципиально важно, что в этом розановском «завете» забота человека о *земной жизни и быте, труд* по их созданию являются основанием для заботы Бога о человеке, благословения человека Богом, а не наоборот, как это было в средневековой традиции, где небесное определяло земное. Эта же мысль формулируется и в другой розановской записи: «Будь покоен, добрый друг Неба и земли. Ты именно только дружи с землей, не оскверняй ее никак и ничем, люби ее, этот прекрасный сад, насажденный для тебя Богом: и небо будет охранять тебя, заботиться о тебе, благословлять тебя» [7, с. 181].

Гнездо как финальное слово «Апокалипсиса...» выражает идеал круглого, то есть гармонического, совершенного мироустройства. Курица-наседка (мать) – символ Творца, по-матерински заботящегося о своем мироздании: «И нет Бога не-Покровителя. Это – Провидение. Ибо точка знает свою окружность, как курица – порожденные ею яйца, на которых она сидит»¹⁶. В этом космогоническом восприятии птицы Розанов близок свят. Василию Великому, уподобившему Дух Божий, носящийся над водой при сотворении мира (Быт. 1, 2), «птице, насиживающей яйца и сообщающей нагреваемому какую-то живительную силу»¹⁷.

Дом как фундаментальная ценность возникает в статье Розанова «Об амнистии» (1906 г.), в которой человеческой истории, имманентно пронизанной человеконенавистничеством и убийствами (от Каина, Распятия Христа до Ш. Корде, Марата и русского терроризма), писатель противопоставлял Дом, где «“меня все любят” и я “всех люблю” и где уничтожены самые мотивы что-нибудь ненавидеть и что-нибудь презирать»: «“домашний очаг”, “свой дом”, “своя семья” есть единственное святое место на земле, единственно чистое, безгрешное место: выше Церкви, где *была инквизиция*, выше храмов – ибо *и в храмах проливалась кровь*. В семье настоящей, любящей (я только таковую и считаю семьею), натуральной, натуральною любовью сцепленной, – никогда! В семье и еще в хлевах, в стойлах, где обитают милые лошадки, коровы: недаром “в хлеву” родился и “наш Боженька”, Который бессильно молился в Гефсиманском саду...» [15, с. 126, 129]¹⁸. В образе рождественского хлева – любви

¹⁶ См.: Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1–10 // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 32.

¹⁷ См.: Василий Великий, свят. Беседы на Шестоднев. Минск, 2006. С. 44 [14].

¹⁸ Эта мысль оказалась значимой для М.М. Пришвина в его духовном пути, о чем он писал в Дневнике от 12 июля 1937 г.: «Это возвращает меня к вечной мысли о моем перевороте: от революции к себе, и это (свой дом, где любят меня) как идеал, к которому революционеры должны прийти и начать творчество от не оскорбленной души. <...> “Мой дом, где все меня любят” – почему бы нельзя его расширить до всей земли, всей природы, всего мира как орг. целого: все это ведь “мой домик”, а вне его царство Каина» [16, с. 674].

мая розановская мысль о *христианстве Вифлеема*, а не Голгофы, идеал Рая, который для Розанова не представим без эдемской гармонии человека и животных: «Вообще Голгофа перенесена в самый Вифлеем и вытравила в нем все радостное, легкое, все обещающее и надеющееся. Никогда не видно в православной живописи <...> и животных около Вертепа Господня: коров, пастухов, маленьких осликов» [17, с. 14].

Животные (от цел. Животь – жизнь) в розановском «Апокалипсисе...» выражают бытийную полноту жизни. Это онтологическое восприятие животных Розанов открывает в древних языческих религиях, прежде всего в Древнем Египте, который он называл «вечно коровьей цивилизацией»: «Кто не приложился щекою к боку коровы, теплою щекою к теплому боку коровы, – тот ничего не может понять в Египте» [7, с. 227]. Онтологический мотив тепла и любви возникает у Розанова и в образе лижущей своего котенка кошки, в которой он видит энтелехию мироздания – материнскую любовь и заботу Творца о человеке и творении: «Кошка, когда рождает котенка, прежде чем накормить – облизывает его. Египтяне заметили это и на этом водворили культ кошек. Так как для этого и мир сотворен. Он сотворен для тепла и любви» [7, с. 82]; «Мир сотворен именно, чтобы “лизаться”, – т.е. он сотворен “по-милому” и “где мне тепло”, а не “по справедливости”, которая почему-то всеми людьми считается “холодной” и “равнодушной”, т. е. уже во всяком случае не теплою» [7, с. 83]¹⁹.

В «Апокалипсисе...» просматривается целый фаунистический комплекс мотивов и образов: оживающие у Розанова древнеегипетские культы животных с плодородной, сексуальной символикой – Апис²⁰, корова²¹, Аммон²², а также культ кошки²³ и шакала²⁴, апокалиптический тетраморф (лев, бык, орел) (От. 4, 6–8)²⁵, птицы²⁶ и др. Бытийную полноту и красоту животных Розанов вы-

¹⁹ См. об этом подробнее: Медведев А.А. Кошка // Розановская Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. Стлб. 1572–1574 [18]; Медведев А.А. Розанов о метафизике домашних животных (историко-культурный аспект) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Гум. науки: Энтелехия. Т. 14. Кострома, 2008. № 17. С. 14–20 [19].

²⁰ См.: Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1–10 // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 54; Розанов В.В. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 246, 292, 294–295.

²¹ См.: Розанов В.В. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 87–88.

²² Там же. С. 167.

²³ Там же. С. 373.

²⁴ Там же. С. 371–373.

²⁵ См.: Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1–10 // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 15; Розанов В.В. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 105, 117, 200, 353.

²⁶ См.: Розанов В.В. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 105, 224.

ражает через экфрасис античных монет, трогательно описывая их от лица Творца и сожалея, что в христианскую эпоху изображения животных на монетах были заменены царскими портретами: «Ты помнишь эти монеты в Александрии Троадской и Фессалии, со щиплющей траву лошадкой»²⁷.

Нет быка и стельной коровы, которая, повернув назад голову, обнюхивает сосущего ее теленка. Как он поднял головку к вымени своей матери!²⁸ Это – в Диррахии, в Иллирии и – тоже в Париуме, в Мизии... Да чуть ли и не во всех городах, только – реже. Нет – барана: а ты помнишь несущегося со всех ног барана, в монетах Сирии, в Селевкии на Каликадле. Он повертывает назад голову: любимый изворот шеи, красоту которой усмотрели греки. А ведь Я именно для красоты этого жеста придавал животным эту длинную шею, и греки одни вошли в Мою мысль. И – кузнечиков они изобразили, и – морского краба, и этого крошечного рачка, с мизинец величиною. И – осетра, и – лань. Лань – в Ефесе, осетр – во всех городах, но чаще всего – в Ольвии. И – фазана, и – петуха» [7, с. 291].

В древних культурах Египта, Греции и Израиля Розанов видит любящий взгляд не только на животных, но и на растения. Онтологическую семантику в тексте «Апокалипсиса...» несут богатые флористические мотивы (зерно, травы, цветы, фрукты и т.д.). Образ «круглого», «закругленного» по своей форме пшеничного (ячменного) зерна, выражающий онтологическую завершенность, полноту (плодородие и изобилие)²⁹, Розанов противопоставляет «беззерному» Христу³⁰: «Я взял маленькое зернышко... / Пшеничное. Мягкое. / И раздробил им Голгофу и Христа. / Хотя они железные»³¹, «Зернышко. Зернышко – прорастай сквозь Голгофу...»³²;

Илл. 1. Пасущаяся лошадь. Серебряная драхма. Ок. 405–370 до н.э. Фессалия, г. Ларисса.

Источник изображения:
<https://www.numisbids.com/n.php?p=lot&sid=708&lot=174>

Илл. 2. Корова с грудным теленком. Серебряный статир. Ок. 350–290 до н.э. Керкира, г. Керкира.

Источник изображения:
<https://www.numisbids.com/n.php?p=lot&sid=708&lot=104>

²⁷ См.: илл. 1.

²⁸ См.: илл. 2.

²⁹ В Древней Греции зерно – символ Деметры (Цереры), а в Древнем Египте культ зерна воплощен в божестве Непри. Ячмень был связан с воскрешением бога плодородия Осириса (ростки ячменя, посеянного на теле Осириса, символизировали новую жизнь после смерти).

³⁰ См.: Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1–10 // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 41.

³¹ См.: Розанов В.В. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 166.

³² Там же. С. 166.

«Идеей зерна раскалывается весь христианский мир. / Просто – зерно. / Зернышко»³³; «Несомненно, не из Деметры зерно, а из зерна Деметра»³⁴; «Идея и вид ЗЕРНА выражен В САМОМ ВИДЕ ПЛАНЕТЫ. И земля как планета есть В то же время и ЗЕРНО...»³⁵; «ЗЕРНА Египта и юдаизма – восходите... через двутысячелетнее забвение, отвержение... / И расцветайте, и наполняйте землю. Тот Эдем, который был только в Месопотамии: вот он ныне РАЗДВИГАЕТСЯ НА ВСЮ ЗЕМЛЮ»³⁶; «Бог есть зерно, Бог есть ядро, а мир есть Сад»³⁷.

Не менее важна для Розанова и трава как онтологический образ живой жизни: «Христос не посадил дерева, не вырастил из себя травки; и вообще он “без зерна мира”, без – ядер, без – икры; не травянист, не животен; в сущности – не бытие, а почти призрак и тень; каким-то чудом пронесшаяся по земле. Тенистость, тенность, пустынноность Его, небытийственность – сущность Его»³⁸; «Болит душа о всем мире... / Болит за весь мир... / <...> И за травку, которая СТОПТАНА»³⁹. Онтологическая семантика этого образа усиливается в сочетании с солярным мотивом: «а всякая травка греется на солнце. Греется и солнышком растет»⁴⁰; «О люди, любите солнышко... / Только его и любите. / Оно растит травку, оно растит и любовь»⁴¹; «Где же Ты, Христос, и почему Ты важен миру? Миру мир важен. И Солнышко, и древа, и травки...»⁴². Образ травы отсылает к древнеегипетскому изображению тела Осириса с растущими из него ростками («Рисунок Озириса с леском над фаллом» [7, с. 162])⁴³ и к библейскому творению травы Богом⁴⁴: «– О, зелень, зелень: плачьте народы – зелень»⁴⁵.

Онтологическое значение в «Апокалипсисе...» имеет и мотив цветов, цветения: «Болит душа о всем мире... / Болит за весь мир... / <...> И за цветок, который УВЯДАЕТ»⁴⁶; «...вся слава цветущих лесов / ...вся прелесть цветущих садов...»⁴⁷. Цветочный код также соединяется с солярным: «Господь с Вами и

³³ См.: Розанов В.В. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 180.

³⁴ Там же. С. 181.

³⁵ Там же. С. 187.

³⁶ Там же. С. 190.

³⁷ Там же. С. 239.

³⁸ См.: Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1–10 // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 15.

³⁹ См.: Розанов В.В. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 176.

⁴⁰ Там же. С. 97.

⁴¹ Там же. С. 106.

⁴² Там же. С. 117.

⁴³ См.: примеч. 13.

⁴⁴ «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя» (Быт. 1: 11).

⁴⁵ См.: Розанов В.В. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 162.

⁴⁶ Там же. С. 176.

⁴⁷ Там же. С. 177.

Солнце над Вами, и нет разницы между Богом и Солнцем, которое есть только первая звезда Божья, звезда вот для нашей прекрасной Земельки. Она прекрасна, наша Земелька, и пахотное поле в ней, и васильки, и ландыши, и все. И комары, и даже хитрая амеба»⁴⁸. При этом онтологичность цветочных образов (лотос, розы, левкой, резеда, душистый горошек, орхидеи) усилена одористически: «Благоухай, таинственный лотос Египта. Издавай до одурения свои ароматы... / Пусть розы усыпят путь истории... *Новой истории...* О, новой, какой новой!!»⁴⁹; «Ах, эти розы, эти розы – они хорошо пахнут. / Но не одни розы – и левкой. / И резеда... / И горошек... / Он называется: “душистый горошек”»⁵⁰; «Мы знаем, что такое цветок. Звезда, бытие другого огромного существования, но существования, ничего общего с мотыльком не имеющего... / Орхидеи. Розы. Цветы... И все пахнет и струит ввысь от счастья»⁵¹.

Илл. 3. Ячменный колос с 7 зернами. Серебряный номос. Около 510–470 г. до н.э. Лукания, г. Метапонтиония. Источник изображения: <https://www.numisbids.com/n.php?p=lot&sid=708&lot=3>

Илл. 4. Скачущая лошадь с собакой. Виноградная лоза. Серебряная тетрадрахма. Ок. 365–330 гг. до н.э. Фракия, г. Маронея. Источник изображения: <https://www.numisbids.com/n.php?p=lot&sid=708&lot=27>

На античных монетах Розанова поражает «ласковый, любящий взгляд древних» не только на животных, но и на растения⁵². Фруктовые мотивы (виноград, гранат), отсылающие к библейскому сотворению плодов⁵³, создают (в сочетании с мотивами зерна, деревьев, ветвей) образ земного рая, «Счастья Времен» (лат. *Felicitas temporum*): «вся монета – одно зерно, т. е. имеющая вид, форму зерна, – то колос хлебный, как эти монеты Метапонта⁵⁴. И виноградные кисти, – как на монетах едва ли не всех городов⁵⁵, сосновые ветви, миртовые деревья, как на монетах Августа. И гранатовое яблоко, – которое употреблялось в помощь материнскому и отцовскому плодородию, как особенно на монетах городка Сиде, в Памфилии. И сос-

⁴⁸ См.: Розанов В.В. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 75.

⁴⁹ Там же. С. 190.

⁵⁰ Там же. С. 225.

⁵¹ Там же. С. 283.

⁵² Там же. С. 290.

⁵³ «И сказал Бог: да произрастит земля ... дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. <...> И увидел Бог, что *это* хорошо» (Быт. 1, 11–12).

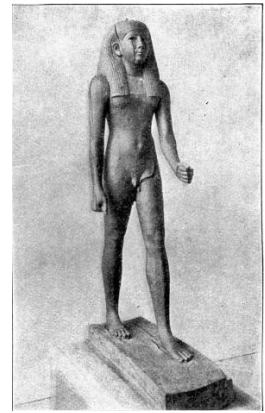
⁵⁴ См. илл. 3.

⁵⁵ См. илл. 4.

новые иглы, как на монетах кельтиберов. Как будто они и не выходили из садов, лесов. Но – больше, лучше» [7, с. 290].

В образах молодого картофеля⁵⁶ и луковицы⁵⁷ Розанов акцентирует первозданную чистоту творения, а в грибах – ольфакторную семантику: «за корзину “собранных грибов” – за ее пахучесть – я не возьму всех цветов в мире»⁵⁸. Одористический код – ключевой в «Апокалипсисе...»: «пахучесть хлеба», «пахучесть мяса во щах»⁵⁹, «Песнь Песней вся говорит о запахах и пахучести»⁶⁰, «Я взял пахучесть половых органов... / Полевой фиалки... / И погасил мирру и ладан всех лампад мира»⁶¹, «Но истинная тайная вещь: что Солнце – пахнет»⁶². Аромат вещей выявляет их онтологическую и этическую сущность, о чем Розанов размышлял в записи под названием «“Вечная пахучесть” Египта...»: «Весь мир связан обонянием. И без обоняний он рассыпался бы. / Нет вещи, которая бы не воняла. И это суть ее. / <...> Весь мир обоняет. И нет запаха, который бы не обонялся. И что “до нельзя противно одному”, того “нет ничего сладостнее для другого”. <...> / По запаху люди узнают эссенциальность вещей. И тряпки и добродетели. / Всякий добродетелен в меру того, насколько он пахнет. И что воистину добродетельно, до святости-то благоухает» [7, с. 225].

Онтологическая насыщенность жизнью восхищает Розанова в древнеегипетском искусстве. Экфрасис деревянной статуи принца Эвибора из Каирского музея⁶³ выражает через синтез фаунистических и флористических мотивов неисчерпаемую, преизбыточествующую полноту бытия в его первозданной свежести и чистоте: «Люди, животные и, наконец, цветы

Илл. 5. Деревянная статуя принца Эвибора. Египет, Каирский Музей.

⁵⁶ «30 июля 1918 г. (когда увидел на базаре первый “новый картофель”. Розовый и огромными кругляками)» [7, с. 164].

⁵⁷ Розанов сравнивает первозданную чистоту луковицы с только что родившейся бабочкой: «просто сняв “верхний слой”, открою под ним такую белоснежную чистоту, как было у той бабочки, которая только однажды из множества попыток “вышла точно из тюрьмы”. Она была, как луковица, так же белая, вся “чудо первое творения”, так испуганная “открытою (мною) погibelью” и вообще вся “innocent” [ит. невинный, непорочный, чистый. – А.М.]» [7, с. 178].

⁵⁸ См.: Розанов В.В. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 176.

⁵⁹ См.: Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1–10 // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 21.

⁶⁰ См.: Розанов В.В. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. С. 80.

⁶¹ Там же. С. 166.

⁶² Там же. С. 225.

⁶³ Розанов описывает ее изображение по изданию: Брэстед Дж. Г. История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. Т. 1. М.: Книгоиздательство М. и С. Сабашниковых, 1915. Рис. 88 [20]. См.: илл. 5.

точно пьют воду и не напьются, дышат воздухом и не надышатся. И к ним, как и ко всему ветхому Египту, приложимы слова:

В те дни, когда мне были *новы*

Все впечатленья бытия...

Везде – Озирис: бог древний, бог первый, и, по задачам своим (“растить и множить из себя”), бог юный, юнейший. Вечный “бутон” мира, как и его “могила”» [7, с. 373].

Соляные, одористические, цветочные, гастрономические мотивы кульминационно синтезируются в идеале райской жизни, которую Розанов предельно насыщает бытийностью, обостряя все человеческие чувства (обоняние, зрение, слух, вкус, осязание): «... “там” будет все – полет, движение, камедь, мирра и фимиам. / *Загробная жизнь* вся будет состоять из света и пахучести. Но именно – того, что ощутимо, что физически – пахуче, что плотски, а не бесплотно – издает запах. Не без улыбки можно ответить о “соблазнах *мира сего*”, что в них-то и “течет”, как бы истекает из души вещей, из энтелехии вещей – уже теперь “жизнь будущего века”; и что вкусовая и обонятельная часть нашего лица, и вообще-то наиболее прекрасная и “небесная”, именно и прекрасна от очертаний губ, рта и носа. <...> это – мотылек, бабочка, утопающая в эфире, в солнечных лучах. Того самого Солнца, которое “и со звездами, и с луною” – только “окружает роды женщины”. <...> И никакого “ада и скрежета зубовно-го” *там*, а – соби́рание нектара с цветов» [1, с. 25–26]. В этом описании райской жизни Розанов приводит первые две строки знаменитой оды Ф. Шиллера «К радости» (в переводе В. Бенедиктова), отсылающие к древнегреческому образу полей блаженных в загробном мире (Элизиум): «Радость, ты – *искра небес*, ты – *божественна*, / *Дочь елисейских полей*...» [1, с. 25]⁶⁴. В этом восприятии рая как земного бытия («богатство, радость и полнота мира»), а не бесплотного, ангельского существования Розанов не только исходил из представлений о загробной жизни в Древнем Египте и Греции, но и продолжал линию Достоевского, у которого цитируемая Дмитрием Карамазовым ода «К радости» (в переводе Ф. Тютчева) выражает подобное представление о рае как о *земной* гармонии человека и природы. «Земной рай человечества» дается и в «лорре-новском» сне Версилова («уголок Греческого архипелага»), в котором, по словам Розанова, «чувство древности, чувство красоты и достоинства, сердечности

⁶⁴ Розановское описание загробного мира близко характеристике древнегреческой картины мира Мирчы Элиаде, выделившего в ней «радость бытия» как ключевой концепт, возникший из трагического осознания греками бренности бытия и в силу этой бренности сакрализирующий земную, телесную жизнь: человек «вновь открыл для себя сакральный смысл “радости бытия”, религиозную ценность эротики и телесной красоты, сакрализовав все коллективные развлечения – игры, процессии, танцы, песнопения, спортивные состязания, драматические действия, застолья и т.д. <...> Греки, как и другие народы до и после них, осознали, что самое надежное средство одолеть всевластие времени – это наиболее полно проживать каждое мгновение, стараясь использовать все открываемые им возможности» [21, с. 243].

и красоты древней Греции, языческой Греции, сказалось “в таких слезах безмолвия”, как этого не было в век Петрарки и Бокаччио» [7, с. 310–311].

Этот онтологический «разворот» Розанова в «Апокалипсисе...», его возвращение к полноте земной жизни, точно уловил Д. Лоуренс в статье 1927 г.: «И вот перед нами первый русский, который сказал нечто совершенно новое, для меня это именно так. Его отношение к миру полно живой и полнокровной страсти. Он первый понял, что бессмертие – в полноте проявления жизни, а не избавлении от нее. Эту тайну открыла ему бабочка, рождающаяся из кокона мертвой гусеницы, а он открыл ее нам» [22, с. 493]. Онтологическая концепция земного, телесного возникает у Розанова уже в конце 90-х гг. XIX в., когда он совершает «коперниковское» открытие темы пола, которое уже тогда определило его историко-культурное погружение в древние восточные культы, «поворот к египетским коровам», к «положительно абсолютной» цивилизации Древнего Египта, которая в силу своей ярко выраженной органичности стала основным источником в розановской онтологии пола (семья, чадородие, материнство). С этих позиций он критиковал христианский аскетизм, видя его причину в монофизитстве, которое хотя и было осуждено в Православии как ересь, но тем не менее стало его «краеугольным камнем»: «Вся религия русская – по ту сторону гроба. <...> Вообще животное начало с страшною силою отторгнуто, отброшено от себя Православием. <...> Все это выросло из одной тенденции: истребить из религии все человеческие черты, все обыкновенное, житейское, земное, и оставить в ней одно только небесное, божественное, сверхъестественное. <...> Церковь Православная монофизитна ... из “воплощения Сына Божия” изъяла собственно “плоть”, “воплощение”» [17, с. 10, 14–15, 18]. Критикуя этот церковный нигилизм, отрицающий «плоть», как «религию смерти», «Голгофы» («черное» монашеское христианство), Розанов стремился онтологизировать христианство, раскрыть его как религию «света и радости», вернуть его к живительным первоисточкам (Эдем и Вифлеем), в которых «плоть» и «земная жизнь» получают свое религиозное оправдание⁶⁵.

Своей кульминации эта розановская концепция достигает в «Апокалипсисе...», где Розанов борется с церковным представлением о «темноликом» Христе, внесшим дуализм, разрушившим целокупное единство земли и неба, духа и плоти: «Он *не соединил* Небо и землю (как думают). Он именно их *разъединил*» [7, с. 136]. Остро полемизируя с христианским монофизитством и дуализмом, Розанов от лица древнегреческой богини земледелия и плодородия Деметры исповедует одомашненный образ мира, заботу о земле и человеке: «... я просто кухарка и вся забота моя – о человеке. Человек – вот священство. Человек – он бог. Земля дана ему во владение, – целая планета, *земля*, дана Ему Одному во владение, и для него насажен сад, ему даны животные для жертво-

⁶⁵ См. об этом подробнее: Медведев А.А. Мать Мария (Скобцова) и религиозно-философский Ренессанс начала XX века: диалог с В.В. Розановым // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2017. Вып. 24. С. 105–108 [23].

приношений и – злаки, тоже для жертвоприношений и вкушений. <...> А вот и юная Эос... Она – с золотистыми перстами. И вообще, как вы не видите сами, отчего раньше не догадались, до чего природа изукрашена, и что она изукрашена именно для кого-то, и этот “кто-то” есть человек» [7, с. 181].

Розанов реабилитирует плоть, земную жизнь, стремясь к гармонии телесного и духовного, выраженной в Суламифи из «Песни Песней» как «сиянии полного единения души и тела»: «“Нет греха” ни в каком вообще единении, плотском и духовном, ибо оба единения – суть именно “единения”, ближе души и ближе тела, больше любви и больше огня. <...> Нет греха. О, в плотском единении, ни в каком, – нет никакого греха. Любовь плотская превосходит еще всякую духовную, “где только разговоры”: она – мистичнее, глубже, таинственнее, священнее. Любите, люди, любите, люди, любите, люди» [7, с. 75].

Таким образом, розановский «Апокалипсис...» являет собой покаянную рефлексию на национальный нигилизм как одну из глубинных причин социальной срыва 1917 г. Русское нигилистическое сознание в его основаниях Розанов раскрывает в интертекстуальном диалоге с Н.А. Островским, Н.А. Некрасовым и Н.В. Гоголем. Преодоление разрушительной нигилистической тенденции в русской истории писатель видел, во-первых, в возвращении к вечным этическим основаниям (правда, совесть, любовь, материнская забота), во-вторых, в онтологической парадигме – обновлении человечества на основе возрождения онтологии Древнего Египта, Древней Греции и Израиля.

Онтологические ценности, неисчерпаемую, преизбыточествующую полноту бытия в «Апокалипсисе...» выражают солярный код, символика домагнезда, Эдема (Вифлеема), богатые фаунистические и флористические комплексы мотивов и образов (в том числе, представленные через экфрасис античных монет и древнеегипетских изображений). Онтологическую функцию несет и ключевой в «Апокалипсисе» одористический код. Солярные, одористические, цветочные, гастрономические мотивы (обоняние, зрение, слух, вкус, осязание) кульминационно синтезируются в идеале райской жизни, создавая который, Розанов исходил из древнеегипетских и древнегреческих представлений о загробной жизни (и сакрализации земной, телесной жизни), а также из «земного рая человечества» Достоевского. Остро полемизируя с аскетическим нигилизмом (монофизитство, дуализм), Розанов онтологически реабилитирует «плоть», «земную жизнь», стремясь к целокупной гармонии «земли» и «неба», «духа» и «плоти».

Список литературы

1. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Вып. № 1–10 // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 5–60.
2. Медведев А.А. «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского как парадигма в религиозно-философской рефлексии В.В. Розанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Гуманитарные науки: Энтелехия. Кострома, 2010. Т. 16. № 21. С. 44–58.

3. Medvedev A. Le «Sous-sol» de Dostoïevski, paradigme dans la reflexion religieuse et philosophique. De Vassili Rozanov // *La Clandestinité. Études sur la pensée russe. Espaces Littéraires*. L'Harmattan, 2017. P. 69–82.
4. Островский А.Н. Лес // Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. М.: Искусство, 1974. С. 249–338.
5. Островский А.Н. Свои люди – сочтемся! // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Искусство, 1973. С. 504–518.
6. Островский А.Н. В чужом пиру похмелье // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 2. М.: Искусство, 1974. С. 7–38.
7. Розанов В.В. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. XII: Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 61–379.
8. Розанов В.В. О себе и жизни своей. М.: Моск. рабочий, 1990. 876 с.
9. Розанов В.В. Черный огонь. 1917 год // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. II: Мимолетное. М.: Республика, 1994. С. 337–412.
10. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007. 1179 с.
11. Гоголь Н.В. Записки сумасшедшего // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 191–214.
12. Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. 324 с.
13. Розанов В.В. Письма 1917–1919 гг. // Литературная учеба. 1990. Кн. 1. Январь–февраль. С. 70–88.
14. Василий Великий, свят. Беседы на Шестоднев. Минск: ХАРВЕСТ, 2006. 223 с.
15. Розанов В.В. Когда начальство ушло... 1905–1906 гг. // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. VIII: Когда начальство ушло. М.: Республика, 2005. С. 7–192.
16. Пришвин М.М. Дневники. 1936–1937. СПб.: Росток, 2010. 992 с.
17. Розанов В.В. Русская Церковь // Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30 т. Т. III: В темных религиозных лучах. М.: Республика, 1994. С. 8–29.
18. Медведев А.А. Кошка // Розановская Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. Стлб. 1572–1574.
19. Медведев А.А. Розанов о метафизике домашних животных (историко-культурный аспект) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Гуманитарные науки: Энтелехия. Т. 14. Кострома, 2008. № 17. С. 14–20.
20. Брэстед Дж. Г. История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. Т. 1. М.: Книгоиздательство М. и С. Сабашниковых, 1915. 343 с.
21. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т. 1. М.: Критерий, 2002. 464 с.
22. Лоуренс Д.Г. О Розанове // В.В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество В. Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб.: Изд-во Христианского гуманитарного института, 1995. Кн. II. С. 490–498.
23. Медведев А.А. Мать Мария (Скобцова) и религиозно-философский Ренессанс начала XX века: диалог с В.В. Розановым // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2017. Вып. 24. С. 101–123.

References

1. Rozanov, V.V. Apokalipsis nashego vremeni. Vypuski № 1–10 [The Apocalypse of Our Time. Issues No. 1–10], in Rozanov, V.V. *Sobranie sochineniy v 30 t., t. XII: Apokalipsis nashego vremeni* [Collected works in 30 vol., vol. XII: The Apocalypse of Our Time]. Moscow: Respublika, 2000, pp. 5–60.
2. Medvedev, A.A. «Zapiski iz podpol'ya» F.M. Dostoevskogo kak paradigma v religiozno-filosofskoy refleksii V.V. Rozanova [F.M. Dostoevsky's «Notes from the Underground» as a paradigmatic model for V. Rozanov's religious and philosophic self-reflection], in *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. Ser. Gumanitarnye nauki: Entelekhia. T. 14. Kostroma, 2008. № 17. S. 14–20.

darstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya «Gumanitarnye nauki»: Entelekhiya, Kostroma, 2010, vol. 16, no. 21, pp. 44–58.

3. Medvedev, A. Le «Sous-sol» de Dostoïevski, paradigme dans la reflexion religieuse et philosophique. De Vassili Rozanov [F.M. Dostoevsky's «Notes from the Underground» as a paradigmatic model for V. Rozanov's religious and philosophic self-reflection], in *La Clandestinité. Études sur la pensée russe. Espaces Littéraires* [Underground. Studies on Russian thought. Literary spaces]. L'Harmattan, 2017, pp. 69–82.

4. Ostrovsky, A.N. Les [The Forest], in Ostrovsky, A.N. *Polnoe sobranie sochineniy v 12 t., t. 3* [Complete works in 12 vol., vol. 3]. Moscow: Iskusstvo, 1974, pp. 249–338.

5. Ostrovsky, A.N. Svoi lyudi – sochtemsy! [It's a Family Affair – We'll Settle It Ourselves], in Ostrovsky, A.N. *Polnoe sobranie sochineniy v 12 t., t. 1* [Complete works in 12 vol., vol. 1]. Moscow: Iskusstvo, 1973, pp. 504–518.

6. Ostrovsky, A.N. V chuzhom piru pokhmel'e [Hangover at Somebody Else's Feast], in Ostrovsky, A.N. *Polnoe sobranie sochineniy v 12 t., t. 2* [Complete works in 12 vol., vol. 2]. Moscow: Iskusstvo, 1974, pp. 7–38.

7. Rozanov, V.V. Tekst «Apokalipsisa...», publikuemyy vpervye [The text of «Apocalypse...», which is published for the first time], in Rozanov, V.V. *Sobranie sochineniy v 30 t., t. XII: Apokalipsis nashego vremeni* [Collected works in 30 vol., vol. XII: The Apocalypse of Our Time]. Moscow: Respublika, 2000, pp. 61–379.

8. Rozanov, V.V. *O sebe i zhizni svoey* [About me and my life]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1990. 876 p.

9. Rozanov, V.V. Chernyy ogon'. 1917 god [The Black Fire. 1917], in Rozanov, V.V. *Sobranie sochineniy v 30 t., t. II: Mimoretoe* [Collected works in 30 vol., vol. II: Fleeting]. Moscow: Respublika, 1994, pp. 337–412.

10. Berdyayev, N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: Publitsistika 1914–1922* [The fall of the sacred Russian kingdom: Publicistic works of 1914–1922]. Moscow: Astrel', 2007. 1179 p.

11. Gogol, N.V. Zapiski sumasshedshego [Diary of a Madman], in Gogol, N.V. *Polnoe sobranie sochineniy v 14 t., t. 3* [Complete works in 14 vol., vol. 3]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1938, pp. 191–214.

12. Bely, A. *Masterstvo Gogolya: Issledovanie* [Gogol's Excellence: a Research]. Moscow; Leningrad: GIKhL, 1934. 324 p.

13. Pozanov, V.V. Pis'ma 1917–1919 gg. [Letters, 1917–1919], in *Literaturnaya ucheba*, 1990, no. 1, Yanvar'–fevral', pp. 70–88.

14. Saint Basil the Great. *Besedy na Shestodnev* [Conversations about the hexaemeron]. Minsk: KHARVEST, 2006. 223 p.

15. Rozanov, V.V. Kogda nachal'stvo ushlo... 1905–1906 gg. [When the Authorities Left..., 1905–1906], in Rozanov, V.V. *Sobranie sochineniy v 30 t., t. 8* [Collected works in 30 vol., vol. 8]. Moscow: Respublika, 2002, pp. 7–192.

16. Prishvin, M.M. *Dnevnik. 1936–1937* [The Diaries. 1936–1937]. Saint-Petersburg: Rostock, 2010. 992 p.

17. Rozanov, V.V. Russkaya Tserkov' [Russian church], in Rozanov, V.V. *Sobranie sochineniy v 30 t., t. III: V temnykh religioznykh luchakh* [Collected works in 30 vol., vol. XII: In the dark religious rays]. Moscow: Respublika, 1994, pp. 8–29.

18. Medvedev, A.A. Koshka [Cat], in *Rozanovskaya entsiklopediya* [Rozanov's Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN, 2008, pp. 1572–1574.

19. Medvedev, A.A. Rozanov o metafizike domashnikh zhivotnykh (istoriko-kul'turnyy aspekt) [Rozanov on the metaphysics of domestic animals (historical and cultural aspect)], in *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya «Gumanitarnye nauki»: Entelekhiya*, 2008, vol. 14, no. 17, pp. 14–20.

20. Breasted, J.G. *Istoriya Egipta s drevneyshikh vremen do persidskogo zavoevaniya, t. 1* [A History of Egypt from the Earliest Times to the Persian Conquest, vol. I]. Moscow: Knigoizdatel'stvo M. i S. Sabashnikovykh, 1915. 343 p.

21. Eliade, M. *Istoriya very i religioznykh idey, t. 1* [History of faith and religious ideas, vol. I]. Moscow: Kriterion, 2002. 464 p.

22. Lawrens, D.H. O Rozanove [About Rozanov], in V.V. Rozanov: *pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo V. Rozanova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley* [V.V. Rozanov: pro et contra. Rozanov's personality and creative work in Russian thinkers' and researchers' evaluation]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 1995, book II, pp. 490–498.

23. Medvedev, A.A. Mat' Mariya (Skobtsova) i religiozno-filosofskiy Renessans nachala XX veka: dialog s V.V. Rozanovym [Mother Maria (Skobtsova) and the Religious and Philosophical Renaissance of the Early XX Century: a Dialogue with V.V. Rozanov], in *Svet Khristov prosveshchaet vseh: Al'manakh Svyato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta*, 2017, issue 24, pp. 101–123.